

Дж. Брэдфорд Делонг

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА

Как прогресс, кризисы
и гениальные идеи
изменили мир

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 338(100)"19"
ББК 65.03(0)
Д29

J. Bradford DeLong
Slouching Towards Utopia: An Economic History of the Twentieth Century
Copyright © 2024 by J. Bradford DeLong
This edition published by arrangement with Basic Books, an imprint of Perseus
Books LLC, a subsidiary of Hachette Book Group, Inc. New York, NY, USA
via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia) All rights
reserved.

ДеЛонг, Джеймс Брэдфорда.

Д29 Экономическая история XX века : как прогресс, кризисы и гени-
альные идеи изменили мир / Джеймс Брэдфорда ДеЛонг ; [перевод
с английского Н. Ткачевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 400 с. — (Top
Economics Awards).

ISBN 978-5-04-198399-4

Как мечта о всеобщем богатстве столкнулась с суровой реальностью политики и экономики
и почему «золотой век» так и не наступил.

Ответ на этот вопрос исследует в своей масштабной работе экономист и историк
Дж. Брэдфорда ДеЛонг.

Из этой книги вы узнаете, как:

— мировые войны, Великая депрессия и кризисы меняли правила игры в глобаль-
ной экономике;

— идеи экономистов — от Маркса и Кейнса до Хайека — напрямую влияли на
политику и судьбы миллионов;

— технологические революции — электрификация, компьютеры, интернет —
трансформировали жизнь людей и бизнес;

— конфликты прошлого до сих пор формируют наш завтрашний день.

«Экономическая история XX века» — это не просто рассказ о прошлом. Это
ключ к пониманию настоящего и размышление о будущем, которое всё ещё может
стать утопией. Или нет.

УДК 338(100)"19"
ББК 65.03(0)

ISBN 978-5-04-198399-4

© Н. Ткачева, перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Следующему поколению:

Майклу, Джанне, Брендану, Мэри Пэти, Мэтью, Кортни, Брайану,
Барбаре, Николасу, Марии, Алексис и Алексу

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ. МОЙ ГРАНДИОЗНЫЙ РАССКАЗ	9
1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	23
2. УСКОРЕНИЕ ДВИГАТЕЛЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РОСТА	45
3. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ «ГЛОБАЛЬНОГО СЕВЕРА»	61
4. ИМПЕРИИ	82
5. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	98
6. РЕВУЩИЕ ДВАДЦАТЫЕ	112
7. ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ	138
8. РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ	158
9. ФАШИЗМ И НАЦИЗМ	175
10. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	191
11. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА	210
12. ФАЛЬСТАРТ, А ЗАТЕМ УСПЕШНОЕ НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА «ГЛОБАЛЬНОМ ЮГЕ»	229
13. ИНКЛЮЗИЯ	254
14. «СЛАВНОЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ» СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ	268
15. НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ	290
16. РЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ГИПЕРГЛОБАЛИЗАЦИЯ	312
17. ВЕЛИКАЯ РЕЦЕССИЯ И АНЕМИЧНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ	327
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. МЫ ВСЕ ЕЩЕ ТОЛЬКО КОВЫЛЯЕМ К УТОПИИ?	350
БЛАГОДАРНОСТИ	361
ПРИМЕЧАНИЯ	362
ОБ АВТОРЕ	397

Введение

Мой грандиозный рассказ

«Долгий двадцатый век», как я его называю, начался около 1870 года — с развития глобализации, появления промышленных исследовательских лабораторий и корпораций в современном их понимании. Эти перемены начали выводить человечество из крайней нищеты, в которой оно находилось десять тысяч лет с момента открытия земледелия¹. Закончился «долгий двадцатый век» в 2010 году — ведущие экономики Северной Атлантики так и не отошли от Великой рецессии¹, начавшейся в 2008 году, и не смогли вернуть прежние темпы роста. После 2010 года последовали дестабилизирующие волны политического и культурного гнева масс, ощущавших, что система больше не работает на них.

По моему глубокому убеждению, период с 1870 по 2010 год — самый значительный в истории. За эти 140 лет произошло множество событий, как удивительных, так и ужасных, но в сравнении с остальным прошлым человечества — скорее потрясающих. Это был первый век, в котором главной движущей силой стала экономика, ведь именно тогда люди покончили с почти повсеместной ужасающей бедностью.

Мой взгляд на историю контрастирует с позицией других исследователей. Например, британского историка-марксиста Эрика Хобсбаума, который сосредоточился на изучении «короткого двадцатого века» — с начала Первой мировой войны в 1914 году до распада Советского Союза в 1991 году². Он и его единомышленники рассматривают период с 1776 по 1914 год как долгий подъем демократии и капитализма, а «короткий двадцатый век» — как эпоху потрясений, порожденных социализмом и фашизмом. Однако такая точка зрения игнорирует более важный

---

¹ Мировой экономический кризис 2008–2013 годов. — Прим. ред.

сюжет — историю стремительного экономического роста, который начался в 1870 году и замедлился после 2010 года³.

В этой книге я рассказываю свою версию того, что же считаю самым важным в истории двадцатого века. И это экономика.

Как заметил выдающийся философ-моралист Фридрих Август фон Хайек¹, рыночная экономика создает своего рода краудсорсинг^{II} — она стимулирует и координирует на низовом уровне решение поставленных ею проблем⁴. До 1870 года человечество не обладало ни технологиями или формами организации, которые позволили бы рыночной экономике поставить задачу сделать экономику богатой. Несмотря на то что рыночные экономики существовали и раньше, их роль сводилась к поиску покупателей для предметов роскоши, улучшению жизни богатых и созданию комфортного существования для среднего класса.

Все изменилось примерно в 1870-х годах, когда появились глобализация, промышленная исследовательская лаборатория и крупные корпорации. Эти новшества открыли человечеству выход из крайней нищеты. Теперь рыночная экономика могла заняться решением проблемы повышения благосостояния. Перед людьми замаячила дорога в утопию.

За этим последовало немало хорошего.

По моей оценке, среднемировые темпы увеличения того, что является ядром экономического роста человечества, а именно пропорциональная скорость увеличения моего «индекса ценности запаса полезных идей»^{III} о покорении природы и организации общества (которые были открыты, развиты и внедрены в мировую экономику), резко возросли. Если до 1870 года изменение значения индекса составляло примерно

¹ Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) — австро-британский экономист-либертарианец и политический философ, представитель новой австрийской школы экономики, сторонник экономического либерализма и свободного рынка. Лауреат премии по экономике памяти Альфреда Нобеля (1974 год). — Прим. ред.

^{II} Понятие краудсорсинг возникло гораздо позже (в начале 2000-х), но его можно рассматривать, как практическое применение теории Хайека о рассеянном знании и спонтанном порядке (в противовес централизованному управлению). — Прим. науч. ред.

^{III} «Индекс ценности запаса полезных идей» — теоретическая и расчетная «конструкция», которую автор использует для объяснения долгосрочного экономического роста. — Прим. науч. ред.

0,45% в год, то после этой даты — 2,1% в год. Это поистине рубеж. И переход через него ознаменовал колоссальную разницу.

Рост на 2,1% в год означает удвоение экономики каждые тридцать три года. Переход от аграрного (1870) уклада к индустриальному (1903), затем к массовому производству (1936), потребительскому обществу (1969) и цифровой эпохе (2002) — все это происходило в стремительном темпе. Экономика росла и меняла общество, создавая для государства новые вызовы в управлении и обеспечении граждан.

Однако прогресс принес не только благо. Технологии использовались для угнетения, войн и диктатуры. «Долгий двадцатый век» видел самые страшные и кровавые режимы в истории.

Многое поменялось — что-то к лучшему, что-то к худшему. Устоявшиеся порядки исчезали⁶. Лишь небольшая часть экономики работала в 2010 году так же, как в 1870 году. Даже знакомые процессы стали другими: выполняя те же задачи на тех же местах, люди получали гораздо меньше с учетом стоимости рабочего времени. Экономика постоянно менялась, особенно в регионах, ставших центрами роста, и эти преобразования затрагивали не только производство, но и общество, политику и культуру.

Если бы мы могли сказать людям из 1870 года, насколько богаче станет человечество к 2010 году, они бы почти наверняка подумали, что мир станет раем, утопией. У людей гораздо больше богатства? Этого должно быть достаточно, чтобы решить все проблемы!

Но реальность оказалось иной: мы все еще не достигли конца пути, а возможно, вообще не видим его.

Что же пошло не так?

Фридрих фон Хайек и его последователи верили, что рынок способен решить все проблемы, и заставляли верить в это все человечество. «Рынок дал, рынок взял; да будет имя его благословенно»¹. Они считали, что спасение придет не через *веру*, а через *свободный рынок*⁷.

Но общество это не устраивало. Оно требовало урегулирования других проблем, выходящих за рамки рыночной логики.

¹ Отсылка на цитату «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Ив. 1:21) — Прим. ред.

Пожалуй, лучше всего этот конфликт сформулировал философ-моралист Карл Полаanyi¹: рынок признает только права хозяев собственности и игнорирует потребности тех, у кого ее нет.

Люди же с этим не согласны и считают, что общество должно учитывать их потребности и желания вне зависимости от того, есть у них ценная собственность или нет⁸. Иногда рынок прислушивается к их требованиям, но только если это выгодно владельцам ценного капитала⁹.

Поэтому в двадцатом веке многие задавались вопросом: «А мы это заказывали?» И общество требовало обновлений. Эта идея «социальной справедливости» вызывала споры. Так, фон Хайек и его сторонники отвергали ее, считая, что рынок не может ее реализовать, а попытки перекрыть тот разрушат его эффективность¹⁰.

Отметим, что социальная справедливость всегда подразумевала справедливость для отдельных групп, а не универсальный принцип. Она редко была эгалитарной¹¹, ведь несправедливо, когда к неравным с вами относятся одинаково. Но рыночная экономика могла обеспечить справедливость к богатым, потому что именно они были в центре ее интересов. Однако рынок не мог решить все проблемы сам: он не обеспечивал достаточный уровень исследований и разработок, экологическое благополучие и стабильную занятость¹¹.

Организовать общество только на принципе «рынок дал, рынок взял; да будет имя его благословенно» невозможно. Единственным надежным ориентиром должно стать понимание, что «рынок создан для человека, а не человек для рынка». Но кто эти люди — важные настолько, что ради них существует рынок? Какая его модель будет лучшей? И как решить эти споры?

На протяжении всего двадцатого века многие — Карл Полаanyi, Теодор Рузвельт, Джон Мейнард Кейнс, Бенито Муссолини, Франклин Делано Рузвельт, Владимир Ленин, Маргарет Тэтчер — пытались найти ответы на эти вопросы. Они не соглашались с порядком, который продвигали Хайек и его сторонники. Так как он был не таким уж и классическим

¹ Карл Полаanyi (1886–1964) — американский и канадский экономист, антрополог, социолог и политический философ венгерского происхождения, один из основоположников экономической антропологии. — Прим. ред.

¹¹ Эгалитаризм — идея, что все люди в обществе должны иметь равные права и возможности. Противоположность элитаризма. — Прим. ред.

(поскольку общество, экономика и государство после 1870 года были совершенно новыми) и не совсем либеральным (ведь опирался не только на свободу, но и на наследуемый авторитет). Они требовали и чтобы рынок вмешивался меньше или работал иначе, и чтобы другие институты брали на себя больше ответственности. Пожалуй, после Второй мировой войны североатлантическая социал-демократия оказалась самым удачным компромиссом между идеями Хайека и Поланьи, но в итоге не выдержала испытания временем. Поэтому сегодня мы все еще на пути к утопии. А возможно, она и вовсе недостижима.

ВЕРНЕМСЯ К МОЕМУ УТВЕРЖДЕНИЮ, что «долгий двадцатый век» стал первым, в котором экономика сделалась главной движущей силой истории. Стоит остановиться на этом подробнее. Две мировые войны, холокост, взлет и падение Советского Союза, апогей американского международного превосходства, расцвет Китая и многое другое. Как я могу утверждать, что все это — части одной, прежде всего экономической, истории? Можно ли выделить один главный путь?

Я делаю это потому, что нам нужны грандиозные истории, если мы вообще хотим думать. Конечно, по мнению передового философа двадцатого века Людвиг Витгенштейна, подобные рассказы — «бессмыслица». Но в каком-то смысле любые идеи — это бессмыслица: нечеткие, путанные и сбивающие с пути. И все же это единственный способ мыслить и двигать вперед прогресс. Если нам повезет, говорил Витгенштейн, мы сможем «признать <...> их бессмыслицей» и использовать как ступеньки, «чтобы преодолеть их <...> [а затем] отбросить лестницу», научившись выходить за пределы «этих предположений» и обретя способность «видеть мир правильно»¹².

Именно в надежде взглянуть на мир ясно я и написал эту книгу. И поэтому уверенно заявляю: экономика красной нитью протянута через всю историю.

До 1870 года технологии проигрывали гонку другому явлению — плодovitости человека. Число людей увеличивалось, ресурсов не хватало, прогресс шел медленно. В итоге большинство не было уверено в том, что через год у них будет еда и крыша над головой¹³. Те, кому удавалось выбраться из бедности, делали это не за счет создания чего-то нового, а за счет отъема у других.

Впрочем, лед сдвинулся с места еще до 1870 года. С 1770 по 1870 год технологии и организация производства шагнули вперед, но лишь немного. В начале 1870-х британский экономист, философ-моралист и бюрократ Джон Стюарт Милль утверждал, что все механические изобретения не облегчили труд ни одному человеку¹⁴. Только к концу века материальный прогресс стал очевидным. Впрочем, лед тогда мог вновь застыть: все технологии девятнадцатого века, во-первых, приближались к пику своего развития, а во-вторых, зависели от угля, чьи запасы были ограничены.

Но, как я уже говорил выше, расскажите человеку из прошлого о богатстве, производительности и технологиях нашего времени, и он наверняка решил бы, что мы живем в утопии.

Ведь именно так они и думали. В девятнадцатом веке одним из самых популярных романов в США стала книга Эдварда Беллами «Через сто лет»¹ (*Looking Backward: 2000–1887*). Автор мечтал об утопии — обществе изобилия, где государство владеет промышленностью, а люди живут без разрушительной конкуренции и в альтруистической мобилизации энергии. Его роман — «литературная фантазия, сказка о социальном благополучии», в которой он представлял «висящий в воздухе, недостижимый для убогого и материального мира нашего времени <...> некий облачный дворец для идеального человечества»¹⁵.

Герой книги переносится из 1887 в 2000 год, где он восхищается богатым и хорошо функционирующим обществом. В какой-то момент его спрашивают, не хочет ли он послушать музыку. Герой ожидает, что хозяйка дома сыграет на фортепиано. Ведь, чтобы слушать музыку в конце девятнадцатого века, нужны были музыкант и инструмент. Чтобы заработать на фортепиано, обычному рабочему потребовалось бы около 2,4 тысяч часов, то есть примерно один год при 50-часовой рабочей неделе. Плюс занятия на фортепиано даже сейчас требуют больших затрат денег и времени.

Но хозяйка только нажимает несколько кнопок, и вся комната «наполнилась музыкой; именно наполнилась, а не залилась, так как каким-то образом громкость мелодии была идеально подобрана к размерам квартиры». «Как великолепно! — вскрикивает герой. — Словно сам Бах восседает за клавишами этого органа! Но где же орган?»

¹ Также в России роман выходил под названиями «Будущий век», «Золотой век», «Взгляд назад» и «В 2000 году».. — Прим. ред.

Оказывается, хозяйка подключилась к живому оркестру по телефону. Более того, у нее есть выбор из четырех оркестров.

Рассказчик поражен: «Если бы мы [в 1800-х годах] смогли создать механизм, позволяющий обеспечить всех музыкой в их домах — совершенной по качеству, неограниченной по количеству, подходящей к любому настроению, начинающейся и прекращающейся по желанию, мы бы считали, что предел человеческого счастья уже достигнут»¹⁶. Только вдумайтесь: предел человеческого счастья.

Утопии обещают все и сразу. По определению сайта Oxford Reference, это «воображаемое место или состояние, в котором все идеально»¹⁷. Но бóльшая часть истории человечества прошла в заигрываниях с самыми разными утопиями. В «долгом двадцатом веке» они привели к шокирующим катастрофам.

Философ Исайя Берлин, ссылаясь на Канта, писал: «Из кривого дерева человечества никогда не сделать ничего прямого <...> И по этой причине идеального решения не существует»¹⁸ <...> Любая попытка создать его обернется страданиями, разочарованиями и провалом». Вот почему я считаю «долгий двадцатый век» прежде всего экономической историей. При всей неоднозначности и недостатках экономика творила едва ли не чудеса.

Последствия «долгого двадцатого века» значительны: сегодня менее 9% людей живут в крайней нищете (на менее чем два доллара США в день) по сравнению с примерно 70% в 1870 году. Даже самые бедные имеют доступ к медицине и связи. В богатых странах уровень благосостояния на душу населения вырос в 20 раз по сравнению с девятнадцатым веком и в 25 раз — по сравнению с восемнадцатым. И есть все основания полагать, что рост продолжится — по экспоненте. Граждане этих стран обладают возможностями, которыми в прошлом наделяли богов и колдунов. Даже большинство жителей неблагополучных экономик и так называемого «глобального Юга»¹ живут

¹ «Глобальный Север» и «глобальный Юг» — деление мира на богатые северные и бедные южные страны. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), по данным на 2022 год, к первой группе относит Северную Америку, Европу, Израиль, Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. Вторая группа включает Африку, Латинскую Америку, Карибский бассейн, Азию (за исключением Израиля, Японии и Южной Кореи) и Океанию (за исключением Австралии и Новой Зеландии). Страны «глобального Юга» отличаются низким уровнем жизни со скромными доходами, высоким